

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 604 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

ЕДИНСТВО И ИЗМЕНЧИВОСТЬ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАРТУ 1982

К ИСТОРИИ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
1840-х - 1850-х ГОДОВ

П. С. Рейфман

С Т А Т Ь Я Ч Е Т В Е Р Т А Я

Важное место в славянофильской концепции занимали проблемы веры и безверия, этических идеалов народа, оценки Запада и промышленного развития. Все это находит отражение на страницах газеты "Молва".

Много внимания уделяется в ней обоснованию религиозности как существенной особенности народной жизни допетровской России. В газете публикуется ряд очерков ^{XXX} "Богомолки" (№ 2, 26), "Еще богомолки и богомольцы" (№ 19), "Богомольцы и богомолки" (№ 28, 29). Здесь описываются в слащаво-умилительном тоне странники и странницы, собирающиеся и идущие на богомолье. Последнее рассматривается как проявление истинной религиозности, нравственного подвига крестьянства, простых людей; это своего рода труд "благочестивого народа".

В то же время очерки о богомольцах, подчеркивая религиозность народа, ориентированы и на этнографические зарисовки народного быта. В них даются колоритные изображения разных типов богомольцев. Все это напоминает аналогичные зарисовки из цикла "Губернские очерки" Щедрина ("Богомольцы, странники и проезжие", в какой-то степени перекликается с описанием богомолья в конце "Нравов Растеряевой улицы" Глеба Успенского. Конечно, у последнего тональность изображения совсем другая. Для Успенского богомолье - одна из деталей жизни "растеряевцев", не вызывающей у автора никакого умиления). Сотрудник "Молвы", как и отчасти Щедрин, испытывавший в те годы воздействие славянофильских воззрений, описывает богомолье в идиллических тонах. Но во всех упомянутых случаях очеркисты, расходясь во многом в выводах, справедливо воспринимают богомолье как характерную особенность народного быта.

В высказываниях редакции "Молвы", посвященных религиозным проблемам, наиболее отчетливо сказывались консервативные

тенденции издания, во многом перекликавшиеся с официальной точкой зрения. Но и в этом случае вырисовываются черты Христа апокрифических народных сказаний, друга бедных, носителя подлинной нравственности, сходного с Христом Тютчева, "царем небесным", исходившим всю Россию "в рабском виде", с Христом Льва Толстого. Не случайно с учением Христа неразрывно связан весь комплекс этических воззрений редакции "Молвы". Следование евангельским заветам и нравственное поведение рассматривалось в газете как неразделимое единство. В свете такого понимания сотрудники "Молвы" осуждали жизнь высших сословий. Критика давалась в аспекте не социально-политическом, а религиозно-этическом, но религиозно-этический аспект ставился в газете как аспект общественный, отнюдь не ограничивавшийся кругом личных убеждений, не являвшийся частным делом каждого (См. передовые № 12, 16).

Важное значение имели в газете высказывания, посвященные соотношению Востока и Запада. Славянофильство обычно связывают с неприятием западного пути развития, и это в целом верно. Однако такое представление требует определенных уточнений. За весь период издания "Молвы" в ней не встречалось сколь-либо развернутого обличительного изображения образа жизни какой-нибудь европейской страны. Журналы демократического лагеря, с их статьями о пауперизме, о пороках капитализма и т.п., давали гораздо более критического материала о Западе, чем "Молва". Лишь иногда появлялись отдельные отклики на эту тему (например, в "Юридических заметках" № 4 мимоходом упоминалось о республиканской системе, которая изжила себя и обезобразила облик Франции - 54). Но столь же часто газета публиковала отзывы сочувственные, даже тогда, когда речь шла о такой острой теме, как Крымская война. Автор передовой № 18, говоря о ней, указывал, что в ходе военных действий Россия и Франция, встретившись на поле битвы, "в лице храбрых своих войск, полюбили друг друга и тесно, дружески сблизились взаимным уважением" (205).

Особенно положительно относится редакция к Англии. Ей целиком посвящена передовая № 22. Эта страна, по словам автора, является лучшим плодом европейской цивилизации. Аксакова привлекает сочетание спокойствия со свободным гражданским устройством, отсутствие ограничений слова, печати, уважение к законам и в то же время возможность критиковать их, крепость семейных основ, почтение к традиции, преданию, ориентировка на усовершенствования, достигаемые мирным путем,

неразрывная связь всей общественной жизни с религиозным и нравственным началами. Симпатии к Англии, отразившиеся в передовой, свидетельствовали об ограниченности славянофилов, о неприятии ими революционного пути, о том, что религиозность была для них неотъемлемой частью всякого благоустроенного общества и т.п. Но такие взгляды не имели ничего общего с возгласами о "гниющем Западе", характерными для "официальной народности", но не для славянофильства. Эти взгляды смыкались с воззрениями многих либеральных "западников", М.Н. Каткова середины 1850-х гг. В какой-то степени перекликались они и с характеристиками Англии, встречающимися у Герцена, в целом отнюдь не идеализировавшего ее.¹

Знаменательно, что редакция "Молвы" весьма сочувственно относилась к промышленному развитию России, ссылаясь нередко, как на положительный пример, на Западную Европу. Так, передовая № 19 была посвящена вопросу о железных дорогах. Автор видел в них одно из важнейших открытий века. Железные дороги, по его мнению, стали необходимостью для всякого образованного государства; они важны и для промышленности, и для торговли, и как средство сближения людей, способствующее обмену духовной деятельностью.

Автор сетовал, что к моменту Крымской войны не была построена железная дорога Москва - Севастополь, что, по его словам, могло бы предотвратить высадку союзников.

Другой аспект отношения редакции "Молвы" к Западу был связан с проблемами соотношения европейской и русской науки, культуры, просвещения. В газете помещались весьма похвальные отклики о научных трудах видных зарубежных ученых. Уже в библиографии № 2 с одобрением отмечалось появление на русском языке ряда переводов книг по разным отраслям знаний, в том числе "Космоса" Гумбольдта. В передовой № 13 речь шла о заслугах европейского просвещения, поставившего по заслугам Европу во главе человечества.

Тем не менее, редакция считала, что усвоение европейской науки и культуры, хотя и необходимо, но недостаточно, что следует развивать свое собственное, национальное, не довольствуясь подражанием. В передовой № 13, признавая заслуги Европы в деле развития науки и культуры, автор указывает, что нельзя ставить знак равенства между европейским и человеческим, как это нередко делают, что есть нечто высшее, чем

¹ Герцена А.И. Собр. соч. в 30 тт. Т. XI, М., 1957, с. 36, 37, 39, 95 и др.

Европа: весь род человеческий. Аксаков находит также, что гордость Европы своими успехами закономерна, но опасна. Он замечает, что распространение европейского просвещения сопровождалось часто жестокостью, истреблением многих людей, отрицанием прав других народностей, кроме европейских. Такому просвещению, имеющему положительные качества, но и большие недостатки, Аксаков противопоставлял возможность "иного просвещения, соединенного с уважением к каждой народности" (I49).

В подобном отношении к европейской культуре и науке было много справедливого, направленного против европоцентризма, пренебрежения к неевропейским народам. Вполне правомерным было и стремление к развитию отечественной самостоятельной науки. Подобная направленность не отрицала достижений зарубежного научного познания, не преувеличивала того, что сделано в России (о создании национальной науки говорилось, главным образом, как о важной задаче будущего, а не как о существующем факте). Не было в подобной установке и непосредственной связи с политической реакционностью. Тем не менее, и в этой области воззрения славянофилов оказывались в высшей степени утопичными. Та самая самостоятельная наука, за которую ратовала редакция "Молвы", могла развиваться лишь по европейскому пути, при всем своеобразии национальных форм этого развития. Не случайно представления славянофилов о коренных научных основах, противопоставленных европейским, являлись весьма смутными, конкретно о них в газете почти ничего не говорилось. Единственное, что формулируется отчетливо — это мысль о науке, которая не противоречит религиозному мировосприятию, не ведет к безверию (См., например, отзыв о книге К.Ф. Рулье "Три открытия в естественной истории пчелы", 20). Истолкование в подобном ключе трудов Рулье было далеко не правомерным.

И все же оно сочеталось с весьма уважительным отношением к подлинно значимым научным явлениям, в том числе в области естествознания. О Рулье, видном русском естествоиспытателе, с большим уважением отзывались Белинский, Герцен. Чернышевский называл его в числе "известнейших из наших ученых".² В то же время о нем с похвалой неоднократно говорит славянофильская "Молва". Так, в "Обзрении современных журналов" № I его "Вестник естественных наук" характеризуется как лучшее

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. XVI, М., с. 472.

из московских специальных изданий, как "прекраснейшее издание, в ученом, изящном и во всех отношениях" (5).

Неприятие Запада, наиболее характерное для "Молвы", сказывается в первую очередь не в отношении редакции к европейской культуре, науке, образу жизни, а в резкой критике преклонения русского общества перед всем чужим, заимствованным, иностранным. Обличение французомагии — постоянная тема славянофильской газеты. Так в "Смеси" № 2 помещена заметка "Продажа остатков на Фоминой неделе. Кузнецкий мост и влияние его на женское народонаселение Москвы". Заметка подписана псевдонимом "Чудак провинциальных воспоминаний", а в примечании к ней сказано, что автор печатал заметки "Из провинциальных воспоминаний чудака" в "Современнике" и "Русском вестнике". В заметке резко осуждается преклонение московских барынь перед всем французским, о глетворном влиянии Кузнецкого моста на вкусы жительниц Москвы, о том, какой помехой является мода на иностранное для производства русских товаров и т.п. Указывая на важность затронутых проблем, автор обещает вернуться к ним в одном из следующих номеров.

Подобная критика "иностранщины" была типичной не только для славянофилов. Знаменательно, что И.В. Селиванов, скрывавшийся за псевдонимом "Чудак провинциальных воспоминаний", публикует свои заметки не только в славянофильской "Молве", но и в "западническом" "Русском вестнике" и в некрасовском "Современнике". В последнем Селиванов появляется не так уж редко. Он печатает там "Провинциальные воспоминания. Из записок чудака" (1856, № II, 1857, №№ 3, 5), произведения "Не помнящий родства" (1857, № II), "Полесовщики", "Контрабанда" (1858, № 9, II), "Необыкновенный случай", "Иван Ермолаич", "Два убийства" (1859, № 8, 1860, № 12, 1861, № 5).

Критика подражательности, рабского перенимания чужого превращается в "Молве" в осуждение правящих классов, высших слоев общества. Именно такое осуждение ощущается в статье "Подлинник и список" (№ 38) "Долго ли наше общество ... будет идти подражательным, и только подражательным путем?..." — с грустью вопрошает автор (426). По его словам, "вот уже полтора года лет выбрали мы подлинником себе чужие края, западную Европу, списываем ее неумоимо, и как довольны!" (426).

Против неумеренного преклонения перед иностранщиной направлен и цикл статей за подписью "Д" "Иностранцы в России" (№№ 9-12). В первой из них указывается на своеобразный парадокс: в России сосуществует подозрительное отношение к ино-

странцам с заискиванием перед ними и "квасной патриотизм" с желанием "облеснуть", с благоговением перед всем иноземным, перед иностранными путешественниками, артистами, учеными. Далее речь идет об иностранцах-учителях, которым препоручается воспитание всего молодого поколения высших слоев общества, о французских лакеях, ставших гувернерами, о том, что они приучат детей с ранних лет мыслить не по-русски, не знать своей страны (№ 10). В следующей статье (№ 11) речь идет об иностранцах-управляющих, в первую очередь, о немцах. Автор рассказывает об их строгости, вплоть до жестокости, о непонимании ими жизни, нужд, мыслей простого народа.

Последняя статья (№ 12) посвящена иностранцам ремесленникам и торговцам. Как и в заметке "Продажа остатков на Фоминой неделе", здесь говорится о французских магазинах, об иноземных товарах, которые предпочитают русским лишь потому, что они дороже и привезены из-за границы, а высшие слои общества стыдятся всего дешевого, желая разыгрывать миллионеров.

Подводя итоги, автор отмечает, что вовсе не проповедует вражды к иностранцам, не требует их изгнания из России. Отмечая, что везде нужна свобода, он готов приветствовать приезжих иноземцев, высоко оценить их талант и заслуги, но подлинный талант и реальные заслуги: пора "приучаться ценить людей и вещи по их собственному достоинству, а не по месту, из которого они к нам прибывают" (136).

Замысел всего цикла, видимо, предполагал и статью "Иностранцы-чиновники". К этому вела вся логика развития авторской мысли. Однако такая статья в "Молве" не появилась. В № 12 редакция указывала на завершенность цикла словом "окончание". Вероятно, сказались здесь и цензурные соображения. Во всяком случае, сомневаться в отрицательном отношении редакции "Молвы" к чиновникам-иностранцам не приходится.

В подобном отрицании преклонения перед всем иностранным, в борьбе за народность, против космополитизма высших слоев общества, их "рабского, слепого подражания"³ славянофилы смыкались не столько с "официальной народностью", сколько с прогрессивными традициями русской культуры, с Фонвизиным, Крыловым, Грибоедовым, с Надеждиным, молодым Белинским, Чаадаевым, в какой-то степени даже с Добролюбовым и Некрасовым (вспомним рассуждения Добролюбова в его статье "О степени

³ Г р и б о е д о в А.С. Соч. М., 1953, с. 83.

участия народности в развитии литературы", образы немцев-управителей у Некрасова и т.п.). Не случайно название статьи "Подлинник и список", вероятно, прямо ориентировано на слова Чацкого о "списках" и "оригиналах".⁴ С "Горем от ума" перекликаются и размышления Седливанова о пагубной роли Кузнецкого моста, и весь комплекс материалов "Молвы", посвященных проблеме подражательности. Все это было весьма далеким от выводов "официальной народности". Для последней характерна не столько борьба с подражательностью, сколько противопоставление цветущей самодержавной России гниющему Западу; подражательность же осуждалась здесь не как тип жизни правящих слоев, а как следование определенным "вредоносным" тенденциям (вольнолюбия, материализма, революционности, непочтительности к авторитетам, к властям). У славянофилов подражательность определяет все стороны жизни общества, прежде всего высших классов. Запад у них не гниет, а Россия отнюдь не цветет.

Много внимания в "Молве" уделялось проблеме отношений России с другими славянскими народами. Уже здесь закладываются основы того направления, которое позднее превратится в панславизм. В газете неоднократно высказывалось мнение, что Россия играет особо важную роль в судьбе славянских народов, что она должна возглавить национально-освободительную борьбу этих народов, оказать им всемерную поддержку в такой борьбе. В передовой № 4 говорилось, что слово "Россия" возбуждает в славянских народах "ничем непобедимое сочувствие единоверия и одноплеменности, и надежду на ее могущественную помощь, на то, что, в России или через Россию, рано или поздно прославит Бог, перед лицом всего света, истину веры православной, и утвердит право племен славянских на жизнь общечеловеческую" (4I).

Проблеме славян специально посвящена передовая № 14 "Москва, 13 июля". В ней шла речь о пробуждении самосознания западных славян, о бедственном положении южных славян, стонущих под игом магометанского племени, дикого, невежественного, бессильного; Европа позволяет существовать такому "безобразному владычеству" лишь в силу "эгоистического рас-

⁴ Грибоедов в А.С. Соч., М., 1953, с. 67. Ориентация на Грибоедова была вообще характерна для К. Аксакова. Так, например, эпиграфом из "Горя от ума", словами из монолога Чацкого "хоть у китайцев бы нам несколько занять...", начинается статья К. Аксакова "О воспитании", посвященная проблемам самобытности и подражательности (ГБЛ. Черк./II 19)

чета"; "Одна Россия смотрит с глубоким сочувствием и с искренней любовью на своих страждущих и угнетенных братьев по Вере и между ними на славян, как, сверх того, на братьев по крови. Благодеяние единоверных и единокровных племен для России должно быть всегдашней заботой, священным долгом" (161).

В передовой № 18, где высказывалось мнение о закономерности в определенных случаях войны, если эта война ведется за дорогие всему народу начала, славянские народы упоминаются как естественные союзники России: "Наши верные друзья, — это народы Славянские, и вообще народы угнетенные" (с. 205).

В обращении "Ко всем русским людям", напечатанном без подписи в последнем 38 номере, редакция говорила о тяжелой доле славянских народов, о необходимости помочь им, особенно в делах православной веры.

Следует однако отметить, что подобные тенденции, смыкавшиеся отчасти с панславистскими идеями, не свидетельствовали о стремлении к политическому и тем более к военному вмешательству России в дела славян. Так в передовой № 14 надежда на будущее славянских народов связывалась с пробуждением их самосознания, с пробуждением мысли о народности. Следует также помнить, что сочувственные отклики о делах зарубежных славян отнюдь не всегда соответствовали видам русского правительства, считались нередко нежелательными с точки зрения дипломатических соображений, вызвали недовольство цензуры, цензурные репрессии.

Власти вовсе не были склонны поощрять борьбу угнетенных народов против своих поработителей, даже тогда, когда имелись в виду славянские народы. Кроме прочего, сочувственные отклики о славянах могли вызвать международные осложнения, к которым вовсе не стремилось русское правительство, только недавно испытывавшее горечь поражения в Крымской войне. Поэтому почти все высказывания "Молвы" по славянскому вопросу обратили на себя неблагоприятное внимание цензуры.

В рапорте чиновника особых поручений Волкова на имя товарища министра Народного просвещения, П.А. Вяземского, обращалось внимание на передовую № 4 "Молвы", на рассуждения о помощи, которую Россия окажет рано или поздно славянам и грекам. Такие рассуждения, по словам Волкова, совершенно несогласны с политикой русского правительства.⁵

⁵ ЦГИАЛ, ф. 772, оп. I, 1857, № 4152, л. I.

В докладе чиновника особых поручений Палаусова Главному управлению цензуры говорилось о прославянских симпатиях, звучащих в передовой № 18 "Молвы", о том, что ее выводы, неправильно отражая правительственную политику, могут ввести в заблуждение и русских читателей, и общественное мнение славянских стран. По словам Палаусова, Россия стремится вовсе не к политически-гражданской самостоятельности славян, как считает редакция "Молвы", а к укреплению их благосостояния, "не отторгая их от законного иноплеменного и иноверного владения".⁶ Цензор находит, что высказывания подобного рода могут быть использованы для поддержки тех национально-освободительных движений, против которых так деятельно выступает русское правительство, что они противоположны "направлению нашей внешней политики".⁷

Рапорт Палаусова не вызвал возражений. На нем сохранилась пометка о том, что Московскому цензурному комитету следует поставить на вид за пропуск передовой № 4.

Аналогичные неприятности принесла редакции "Молвы" и передовая № 18. В журнале заседаний Московского цензурного комитета отмечено, что там 6 сентября рассматривалось предложение от 3 сентября товарища министра Народного просвещения о передовой № 18 "Молвы", которая "содержит в себе рассуждения как общие, довольно темные, о значении войны вообще, так и, особенно, о значении последней войны для нашего отечества, которому она, по мнению автора статьи, принесла одну из существеннейших польз: убеждение, что народы славянские, и вообще народы угнетенные, суть наши верные друзья, и что они познали, что одно из внутренних коренных убеждений Русской земли есть оправдание и признание всякой народности. Его Сиятельство, имея в виду, что подобное объявление политических начал, делаемое частным периодическим изданием, может оказаться несогласным с видами нашего правительства и с отношениями его к другим, дружественным государствам, — а также, что политика не входит в число предметов, определенных программой газеты "Молва", о вышеизложенномставляет на вид здешнему Комитету для устранения на будущее время подобных неуместных суждений".⁸ Заслушав этот выговор, Московский

⁶ ЦГИАЛ, ф. 772, оп. I, 1857, № 4200, л. 2.

⁷ Там же.

⁸ МГА (Московский государственный архив), ф. 31, оп. 5, 1857, № 380, л. 72-72 об. Далее: № 380.

комитет принял решение довести его до сведения цензора "Молвы" фон-Крузе и поручить в дальнейшем цензурование газеты Гилярову-Платонову, только что прибывшему из заграничного отпуска.

Значительное место на страницах "Молвы" занимала журнальная полемика. Уже в передовой № I, определяя направление будущего издания, редакция ориентировала читателей на такую полемику. В передовой говорилось о необходимости уважения к всякому искреннему мнению, которое требует, в случае несогласия с ним, добросовестного опровержения, "а не выходок, отличающихся неприличным тоном, дешевыми грубыми насмешками, и сверх того часто наполненных разными искажениями и клеветами, взводимыми на противника. Преследование и негодование может возбуждать лишь неправда, недобросовестность и всякие лживые притязания" (2). Автор передовой высказывает пожелание, чтобы борьба была принципиальной, чтобы она имела "приличный вид", но он против уклончивости, уступок, неправомερных компромиссов. Аксаков призывает высказаться свободно и искренне сторонников самых различных мнений, чтобы в споре победила истина: "Благословим же борьбу! Пусть будет она крепка, беспощадна, честна и добросовестна" (2). От передовой веяло отнюдь не смирением. Тон ее был боевой и в какой-то степени даже задиристый. Сама же установка на искренность, принципиальность, неліцеприятность литературно-журнальной полемики в какой-то степени напоминала пафос статьи Чернышевского "Об искренности в критике".

Знаменательно, что редакция "Молвы" первоначально обличала "западническое" и "славянофильское" направления, считая, что они оба порождены протестом против ложного пути развития России, против отрыва правящих классов от народа, против слепой подражательности. Так в передовой "Умственная деятельность в нашем отечестве", которая предназначалась для № 2 "Молвы", но не была напечатана, К. Аксаков, упоминая о борьбе западников и славянофилов, писал следующее: "После преобразования Петра верхние классы точно отказались от народности и стали отражением Западной Европы. Но в них самих явился протест против этого направления. Вследствие такого состояния дел явилось два направления, одно, известное под несоответственным именем славянофильского, другое - под несоответственным названием Западного. Они-то борются между собой благородною борьбою. Мы разделяем убеждения славянофильского направления. У обоих - желание одно: благо России,

но понимание разное".⁹ Подобные выводы Аксакова о западниках во многом напоминали высказывания Чернышевского о славянофилах в "Очерках гоголевского периода". Но и в тех и в других не замалчивался принципиальный характер расхождений между двумя направлениями.¹⁰

В первом же номере опубликовано "Обозрение современных журналов", напечатанное без подписи, т.е. от имени редакции. Уже в нем заметна ориентировка на московскую журналистику, противопоставление ее журналистике петербургской. С похвалой отмечая, что в последние годы положение в журналистике изменилось к лучшему, автор указывает на появление московских изданий, тогда как в прошлом процветала лишь журналистика Петербурга, представляющего зрелище "бодрствующего тела и крепко спящей души" (4).

Обозреватель "Молвы" дает сочувственную оценку московских журналов. Он говорит об успехе недавно выходящего "Русского вестника". Отмечая западническую ориентацию издания Каткова, обозреватель относится к "Русскому вестнику" спокойно, доброжелательно, без осуждения.

Более сложно отношение к "Москвитянину". Вспоминая о прошлой его истории, автор "Обозрения" хвалит "Москвитянина" за то, что он верил в лучшие времена, говорил о духовном родстве русских со славянами, печатал изредка замечательные статьи. Вероятно, в последнем случае подразумеваются и статьи славянофилов, публиковавшиеся в "Москвитянине", но число подобных статей, по мнению обозревателя, не столь уж велико. В целом же "Москвитянин" издавался плохо, да и не мог в те времена хорошо издаваться. Выражая надежду на возобновление его, обозреватель в то же время замечает, что ныне судьба "Москвитянина" покрыта "мраком неизвестности".

Наиболее сочувственно в обзоре говорится о "Русской беседе", об особенностях этого издания, о том, что в нем отразилось новое направление, которое вытекает из протеста против подражательности, из "разумного и справедливого требования самостоятельности" (5).

Останавливаясь на полемике, которая возникла между "Русской беседой" и "Русским вестником", автор обзора с уважени-

⁹ ИРЛИ, ф.3, оп.7, № 37, л.2.об. В архиве хранится автограф и копия. На рукописи стоит карандашная пометка: "Не напечатано". Здесь же сообщается, что статья была приготовлена для "Молвы", не была опубликована, что сохранилась лишь часть ее в черновой рукописи, в незаконченном виде.

¹⁰ См. Уч. зап./Тартуский гос. ун-т, вып.414. Тарту, 1977, с. 46.

ем отзывается о позиции обеих сторон. Он разделяет точку зрения "Русской беседы", но отдает должное и ее противникам.

Сочувственно характеризуя в первом журнальном обозрении московскую периодику, редакция "Молвы" здесь не затрагивает конкретно вопроса о петербургской журналистике. Но уже в "Заметках", помещенных в конце № I, начинается полемика с "Современником". Отношение "Молвы" к "Современнику" не было безусловно враждебным. Ранее уже говорилось про солидарность славянофильской газеты с высказываниями "Современника" о выступлении Даля по поводу грамотности народа, с заявлением Ламанского "О распространении знаний в России".¹¹ Однако общая позиция "Современника", его оценка славянофильского учения для редакции "Молвы" совершенно неприемлема.

Поводом для "Заметок" № I послужили "Заметки о журналах. Март 1857", опубликованные в № 4 "Современника". Чернышевский, автор той части "Заметок", которая вызвала полемическое выступление "Молвы", останавливался на первой книге "Русской беседы" за 1857 год. Он отмечал благоприятное впечатление, вызванное ею, говорил, что лучшие из славянофилов отнюдь не испытывают "враждебных чувств к нынешней Европе", никому не уступят ни в уважении к лучшим европейским умам, "ни в искренности желания <...> познакомить русских с богатейшими плодами западного просвещения".¹² Чернышевскому во многом близка славянофильская "критика европейского быта", утверждения, что "Западная Европа вовсе не рай".¹³ Тем не менее Чернышевский вовсе не разделяет славянофильских доктрин, не оправдывает "всего того, что говорят даже лучшие представители славянофильства".¹⁴ Да и верные выводы, сформулированные славянофилами, по словам Чернышевского, не являются чем-то, присущим исключительно им, "одинаковы с идеями, до которых достигла наука или к которым привел лучших людей исторический опыт в Западной Европе".¹⁵

Такой, в общем благоприятный, отзыв о славянофилах не удовлетворяет редакцию "Молвы". Она настаивает на безогово-

¹¹ Уч. зап./Тартуский гос. ун-т, вып. 49I, Тарту, 1979, с. 51.

¹² Чернышевский, т. IV, с. 725.

¹³ Там же, с. 727.

¹⁴ Там же, с. 725.

¹⁵ Там же.

рочном признании славянофильских концепций, находит одобрение со стороны "Современника" "странным"; но и отмечает, что петербургский журнал "все таки" "имел, как видите, мужество отозваться о славянофилах иначе, чем другие журналы, хотя с таким же непониманием их начал" (12). Автор "Заметок" правильно уловил, что оценка Чернышевского, отдававшего должное славянофилам, совсем не означала солидарности с их идеями, и напал на критика "Современника" с резкостью и горячностью: "Но не можем не улыбаться, видя это торопливое и несколько смешанное со страхом старание "Современника", чтоб не приняли похвал его за что-то серьезное. Выходит, по "Современнику", что славянофилы правы только в том, что западная Европа - не земной рай <...>. Но еще забавнее утверждение "Современника", что всю свою истину заимствовали славянофилы от западных писателей! <...>. А все остальное в образе мыслей славянофилов "Современник" считает или общим мнением всех, или ошибочным" (12).

Таким образом, уже в № I редакция "Молвы" начинает полемизировать с "Современником" в гораздо более резком тоне, чем Чернышевский с "Русской беседой". Это, возможно, определило и дальнейшие отзывы Чернышевского о "Молве". И все же "Молва" выделяет "Современник" как наиболее серьезный и относительно объективный из петербургских журналов.

Иронический отзыв о "Современнике" содержится и в "Обзрении современных журналов" № 2. Автор его мимоходом упоминает "обязательное сотрудничество", попытки редакции "Современника" закрепить за собой видных литераторов (19). В "Смеси" того же номера, в заметке об опасности порчи русского языка, приводятся, как пример, две ошибки из "Современника", неправильное употребление в нем пословицы "Славны бубны за горами" (23-24).

В "Смеси" № 7 редакция "Молвы" вновь возвращается к спору с Чернышевским. На этот раз речь идет о "Заметках о журналах", напечатанных в № 5 "Современника". Чернышевский в них продолжает полемику о "Русской беседе", называя по-прежнему ряд ее статей "прекрасными". Солидаризуясь во многом со славянофилами в их критике буржуазной Европы, он отмечает, что при всех "туманных примесях" славянофильские воззрения "все-таки гуманнее и полезнее для нашего развития, нежели мнения многих из так называемых западников, именно, всех тех, которые воображают, что, например, Англия и Фран-

ция в настоящее время — очень счастливые земли"¹⁶. По словам Чернышевского, "если уж выбирать между ними и славянофилами, то, конечно, надобно отдать предпочтение славянофилам".¹⁷

Правоту славянофилов Чернышевский видит не только в отличии их от "пустых панегиристов" Западной Европы, в чем солидарны с ними "все серьезные люди", но и в славянофильской ориентировке на общинную собственность. В статье подробно говорится о последней, и к славянофилам Чернышевский возвращается лишь в конце своих рассуждений об общине, отмечая полезность славянофильской деятельности с этой точки зрения, преимущество ее по сравнению с теориями "западников": "Все теоретические заблуждения, все фантастические увлечения славянофилов с избытком вознаграждаются уже одним убеждением их, что общинное устройство наших сел должно остаться неприкосновенным при всех переменах в экономических отношениях".¹⁸ Итак, одной из причин сочувственного отношения Чернышевского к славянофилам является утопичность его собственных воззрений на общину и общинную собственность. Но у него, как и у них, эта утопичность связана с трезвым пониманием самой сущности буржуазного уклада, противоречий капиталистической Европы. Для Чернышевского важно и другое: в современной общине он видит зародыш будущей ассоциации, к которой идут и Россия, и Европа. Такое понимание было чуждо и враждебно славянофилам, что сказалось в племиической статье Кошелева.¹⁹

В конце "Заметок о журналах" № 5 Чернышевский упоминает и о "Молве", говорит, что прочел три номера ее и выражает надежду, что следующие номера будут лучше предыдущих. Он критикует "Молву" за защиту В.В. Григорьева,²⁰ "написавшего дурные статьи о покойном Грановском", высказывает опасение, что защита дела Крылова окажется столь же напрасной.

В "Смеси" № 7 редакция "Молвы" откликается на это "нелепое" замечание. Она высказывает сомнения в правоте "Совре-

¹⁶ Чернышевский, т. IV, с. 737.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 760.

¹⁹ "По поводу журнальных статей о замене обязательной работы наемной и о поземельной общинной собственности", — "Русская беседа", 1857, кн. 4.

²⁰ Чернышевский, т. IV, с. 761.

меняка", но в целом приветствует статью Чернышевского как явление доброе и утешительное, дает высокую оценку некрасовскому журналу в целом: "Журнал, в котором постоянно участвуют писатели с истинным, всеми признанным дарованием, обратил внимание серьезное и добросовестное на те мнения, которые у нас в первый раз выражены были славянофилами, на те мнения, которыми отличается их направление. Он признал, что взгляд их на жизнь народной общины ставит их выше противоположной им школы и содержит в себе начало плодотворное по преимуществу. Бог помочь! — скажем мы. Вперед! что бы вы ни говорили о "Молве". Вопрос личный для нас никакого значения не имеет" (87). Редакция "Молвы" выражала надежду, что "Современник" еще глубже вникает в основы славянофильства, поймет правомерность и других, высших начал этого учения и начнет им сочувствовать. Такие надежды не соответствовали реальному положению вещей, и полемика между "Молвой" и "Современником" вскоре резко обостряется.

В № 6 "Современника", в рецензии "Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения в России. Соч. Александра Шипова" Чернышевский возвращается к своим отзывам о славянофилах, высказанных в предыдущих обзорах "Заметок о журналах". Он повторяет прежние похвалы, но и указывает, что они не превращают его в сторонника славянофильского учения, что о большинстве пунктов спора между славянофилами и их противниками "мы думаем точно так же, как самые ревностные западники".²¹ По словам Чернышевского, ориентировка славянофилов на общину, самое важное и ценное в их учении, не принадлежит исключительно славянофильству, а является общим выводом современной европейской науки. Поэтому Чернышевский решительно отводит похвалы, высказанные в адрес "Современника" в № 7 "Молвы". Он высказывает огорчение, что такие похвалы напечатаны в газете, "допускающей на свои страницы неприличные выходы против партии, гораздо более нами уважаемой, нежели партия славянофилов, и оскорбительную брань на людей, ученые и литературные заслуги и благородство мнений которых мы высоко, очень высоко ценим, как, например, брань на гг. Забелина, Каткова, Леонтьева, Павлова, Соловьева, Чичерина и других. Похвалу себе от такой газеты мы принимаем за величайшую неприятность, какой только может подвергнуться человек или журнал, и покорнейше просим "Молву" пощадить нас от сво-

²¹ Чернышевский, т. IV, с. 616.

их похвал, пока не изменит она своего тона настолько, чтобы можно было принимать ее похвалы без стыда"²².

К полемике между славянофилами и "Русским вестником" Чернышевский обращается и в "Заметках о журналах" того же, шестого, номера. Отметив, что она приняла слишком уж личный характер с обеих сторон, Чернышевский признает большую правоту "Русского вестника", истолковывает статьи Соловьева о Шлецере и Забелина о положении женщины в древней России в духе "отрицательного" направления, неприятия всякой идеализации русской действительности. Он с похвалой отзываясь об этих статьях, особенно резко критикуя "Молву" - "складочное место полемических статей и заметок против "Русского вестника", которая до сих пор (...) занималась только сплетнями, а во всем остальном была слаба".²³

Естественно, что после таких высказываний "Молва" упоминает о "Современнике" в крайне недоброжелательном тоне. В "Заметках" № 12, отвечая на них, редакция просит извинения у "Современника" за то, что приняла его рассуждения об общине за нечто серьезное, поверила, что он может вникать беспристрастно в дело. "Современник", по словам редакции "Молвы", поспешил в этом разуверить, с грубостью и резкостью, "заранее отказываясь от всякого возможного сближения с мыслию славянофилов"; он заявил "свое подобострастное отношение к западной науке", высказал почтение, смешанное "с каким-то страхом" перед "Русским вестником" (148).

В дальнейшем недоброжелательные отзывы о "Современнике" довольно часто появлялись на страницах "Молвы". С осуждением говорилось о нем в одном из "Писем петербургского студента", напечатанном в № 13. Здесь шла речь о нетерпимости петербургских изданий, о забвении ими законов эстетической критики, о признании "современности" единственным мерилом достоинства произведения, об ориентировке на одностороннее отрицание. "Зачем превозносить до бесконечности Некрасова, как поэта, - вопрошал автор письма, - когда в некоторых писесах его - отсутствие поэзии? И зачем не отдавать справедливости Фету, Полонскому, Майкову, когда в них больше поэзии?" (156). Очевидно, что подобные упреки направлены, в первую очередь, против "Современника", хотя упоминалась прямо лишь петербургская журнальная атмосфера в целом. Возможно, непосредст-

²² Чернышевский, т. IV, с. 618.

²³ Там же, с. 779.

венно имела в виду и статья Чернышевского "Стихотворения Н. Некрасова", опубликованная в № II "Современника" за 1856 г. Полемика с "Современником" ведется и в "Заметке", подписанной псевдонимом "Кассандра" (В.В. Григорьев), опубликованной в "Смеси" № 18 "Молвы". В "Заметке" в № 30 мимоходом иронически упоминается "Современник" и его единомышленники, которые "считают справедливыми только те убеждения, которые признаны и доказаны на западе" (357).

Итак, сочувственное отношение к "Современнику", заметное иногда в первых номерах "Молвы", исчезает. Но и тогда редакция осуждает некрасовский журнал не за оппозиционность властям, не за его отношение к крестьянскому вопросу, не за последовательность революционно-демократического направления (кстати, это направление в 1857 г. только начинает формироваться), а за солидарность с "Русским вестником", с Катковым и его единомышленниками, за "западничество". Впрочем, и в это время в "Молве" с похвалой оцениваются отдельные статьи, публикуемые в "Современнике": в "Письме петербургского студента" в № 13 вновь с одобрением упоминается статья Леманского в № 5 "Современника" за 1857 г., в статье "Новый период в деятельности г. Буслаева" в № 31, критикуя выступления последнего, отмечая противоречивость их, автор с сочувствием отзывается о статье Буслаева "Изображение Страшного суда по русскому подлиннику XVII века", напечатанной в № 10 "Современника" за 1857 г.

Сказанное вовсе не ставит целью затушевать разницу между славянофильскими доктринами и революционно-демократическим направлением, коренную непримиримость их. Славянофилы и Чернышевский уже в рассматриваемый период осмысливали общину с совершенно разных позиций, что отразилось в полемике последнего с Кошелевым.

Нужно помнить также, говоря о солидарности по определенным вопросам "Современника" с "Русским вестником", об эволюции взглядов Каткова, о том, что нельзя отождествлять его позицию второй половины 1850-х гг. и более позднего времени.

Но, учитывая все сказанное, следует представлять себе, по каким конкретным проблемам шел спор между "Современником" и "Молвой", понимать, что этот спор, отзывы Чернышевского, не дают еще основания современным исследователям безоговорочно относить газету Аксакова к числу реакционных изданий.